

Ночной Стук

Андрей Апухтин
Ночной стук - книга 2
Серия «Тайна за тайной», книга 2

<https://litres.ru/74521079>

SelfPub; 2026

Аннотация

Лада и кот Барсик снова в деле. Ночью из-под пола старого дома доносятся три глухих удара — кто-то стучит из глубины. Лада, Барсик и бабушка Нина спускаются в подвал и находят каменный тоннель, проложенный строителями Старогорска сто лет назад. Тоннель ведёт через подземный зал с источником к завалу, за которым живёт Степан Варфоломеич — бывший архивариус, пропавший двадцать лет назад. Он нашёл старинный ящик с медным замком, но не смог открыть его. Лада открывает замок медным значком из первой книги — внутри серебряный значок с восьмиконечной звездой и карта подземных ходов. Карта ведёт к хранилищу под рекой — подземной библиотеке, где книги, медные пластины и печати сохранены светящейся водой. Строители города спрятали память Старогорска под землёй триста лет назад. Добрый детектив для детей 6–9 лет.

Содержание

Ночной гость	4
Первые улики	14
Свидетели	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Андрей Апухтин

Ночной стук - книга 2

Ночной гость

Лада проснулась от стука.

Не от будильника — будильник на тумбочке показывал два часа ночи, и его стрелки светились зелёным, как кошачьи глаза в темноте. Не от соседей — соседи спали, и за стеной было тихо, как в пустом классе после уроков. Стук шёл снизу. Из-под пола. Три удара — глухих, тяжёлых, будто кто-то бил кулаком по камню. Три — и тишина. Потом ещё три. И ещё. Ровно, размеренно, без пауз и без спешки, как будто стучавший знал, что его услышат, и не торопился.

Лада села в кровати и прижала одеяло к подбородку. Сердце стучало — быстро, мелко, как птичье. В комнате было темно — синяя-синяя темнота, какая бывает только ночью, когда фонари на улице не горят, а луна спряталась за облаками. Окно было приоткрыто, и из него тянуло холодом — осенним, свежим, с запахом листьев и мокрого асфальта. Барсик спал на краю кровати, свернувшись клубком, но теперь он тоже проснулся — Лада видела, как его уши повернулись, как антенны, ловя звук. Он не шевелился, но глаза его были открыты — два зелёных огонька в темноте, ярких

и внимательных.

«Барсик, — прошептала Лада, — ты слышишь?» Барсик не ответил — он не умел говорить. Но он встал, потянулся и прыгнул на пол — бесшумно, как все коты. Подошёл к двери комнаты и сел, глядя на Ладу через плечо. «Пойдём?» — говорил его взгляд. «Пойдём смотреть, кто стучит». Лада колебалась. Два часа ночи. Мама и папа спали в соседней комнате — тихо, ровно, без единого звука. В доме было так тихо, что она слышала, как тикают часы на кухне. Но стук — стук был. И он шёл из-под дома.

Лада встала. Босые ноги коснулись холодного пола, и она поёжилась — не от холода, а от предчувствия. Она надела тапочки, накинула поверх пижамы свой синий свитер — тот

самый, с дыркой на левом локте, который она не зашивала, потому что считала, что дырка придаёт характер, — и взяла с тумбочки фонарик. Маленький, синий, с ЛЭД-лампой — папа дал ей на новоселье и сказал: «Для исследований». Лада тогда засмеялась, а сейчас фонарик пригодился.

Они с Барсиком вышли в коридор. Тёмный, узкий, со старыми обоями в полоску — коричнево-жёлтыми, как осенние листья. Лада включила фонарик — белый луч упал на стену, и тени запрыгали, как испуганные кошки. Барсик шёл впереди — тихо, крадучись, прижимая уши, как разведчик. Его хвост стоял трубой, и кончик его подрагивал — так он всегда делал, когда что-то чуял.

Они прошли мимо спальни родителей — тихо, на цыпочках. За дверью — ровное, мирное дыхание. Мама спала. Папа спал. Никто не слышал стука. Только Лада и Барсик. Они спустились по лестнице — Лада считала ступеньки: одна, две, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять. Первый этаж. Лада посветила фонариком — пусто. Дверь подвала, тяжёлая, железная, с вывеской «Подвал», была закрыта. Лада потрогала ручку — холодная, как лёд. Заперто. Но стук шёл откуда-то снизу — из-под пола, из-под фундамента, из глубины, куда не доходил ни свет, ни звук днём. Только ночью, когда всё замолкало, — тогда было слышно.

Три удара. Тишина. Три удара. Тишина. Лада присела и приложила ухо к полу. Каменный, холодный, с трещиной посередине — и через него, из глубины, словно из самого серд-

ца дома, шли три глухих удара.

Лада сидела на полу и слушала. Три удара. Пауза — длинная, как вдох перед словами. Три удара. Пауза. Три удара. Ритм не менялся — ни быстрее, ни медленнее, ни громче, ни тише. Будто кто-то подавал сигнал. Или просил о помощи. Или просто стучал, потому что больше ничего не мог делать.

«Кто там?» — прошептала Лада в пол, и голос её показался ей тонким и тихим, как мышьячий писк. Никто не ответил. Только три удара — и тишина. Барсик подошёл к двери подвала и понюхал щель внизу — долго, тщательно, как читатель читает мелкий шрифт. Потом сел, обернулся к Ладе и муркнул — тихо, но настойчиво. «Здесь», — говорил его взгляд. «Запах...». Лада не поняла — что за запах, но поняла

Барсика: что-то было за этой дверью. Что-то живое.

Она попробовала ручку ещё раз — заперто. Ключ пропал ещё в первой истории — Лада нашла его у Трезора, соседского пса, который утащил ключ, приняв за игрушку. Но дверь была заперта на другой замок — внутренний, который мама закрывала каждый вечер перед сном. Ключ от внутреннего замка висел на гвозде у двери кухни — Лада знала, потому что видела, как мама повесила его туда. Но взять ключ и открыть подвал в два часа ночи — это было серьёзно. Это было нарушение. Это было приключение.

Лада посмотрела на Барсика. Барсик посмотрел на неё. Между ними прошла искра — как между двумя сообщниками, которые понимают друг друга без слов. Лада встала, отряхнула колени и пошла на кухню. Ключ висел на гвозде — маленький, латунный, тёплый от кухонного тепла. Лада сняла его, зажала в кулаке и вернулась к двери подвала. Сердце стучало — быстро, громко, как три удара из-под пола.

Лада вставила ключ в замок. Руки дрожали — мелко, как у кошки, которая хочет поймать муху, но боится упустить. Ключ вошёл легко — замок был новый, масляный, и повернулся без скрипа, без сопротивления, будто ждал. Дверь поддалась — тяжело, неохотно, как будто приоткрывала рот, чтобы сказать что-то важное и не решалась. За ней — темнота. Густая, плотная, как вата, темнота, в которую луч фонарика входил, как иголка в ткань, — и тонул, не доставая до стен.

Запах ударил в нос — сырой, холодный, затхлый, как в погребе, где хранят яблоки на зиму. Но не только. Был ещё один запах — слабый, далёкий, незнакомый. Не мышинный, не крысиный, не плесень. Живой. Тёплый. Как будто кто-то

дышал там, в глубине, — медленно, ровно, как спящий человек. Лада почувствовала, как по спине пробежал холодок — не страх, а предчувствие. Что-то ждало её внизу.

Барсик первым шагнул за порог — бесстрашно, как всегда. Он не боялся темноты, не боялся сырости, не боялся неизвестности. Коты вообще не боятся того, чего боятся люди, — они боятся пылесоса и огурца, но не темноты. Лада шагнула за ним. Ступеньки — каменные, скользкие, стёртые посередине от тысяч ног, прошедших здесь за сто лет. Лада считала: одна, две, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь. Восемь ступенек вниз — и она стояла в подвале.

Подвал был пуст. Точнее — почти пуст. Вдоль стен — старые трубы, покрытые ржавчиной и паутиной. Пустые полки, на которых когда-то стояли банки с вареньем, а теперь — только пыль и засохшие паутины. Лампочка под потолком — тусклая, пыльная, в проволочной клетке, как в тюрьме. Но стук шёл не отсюда. Он шёл глубже — из-за стены. Из-за каменной стены в конце подвала, где не было ни двери, ни окна, ни люка. Просто стена. Старая, каменная, с трещинами, как морщины на лице старого человека. И из-за неё — три удара.

Лада подошла к стене в конце подвала и приложила ладонь — камень был холодный, мокрый, шершавый, как наждак. Три удара — и она почувствовала их рукой: вибрацию, мелкую, как землетрясение, от которого звенит посуда, но не падают стены. «Кто-то стучит из-за стены, — прошептала Лада, и голос её дрожал, но не от страха, а от волнения. — Барсик, кто-то живёт за этой стеной». Барсик подошёл, понюхал камень — долго, тщательно, как будто читал запах, как книгу. Потом чихнул — резко, громко, и звук отскочил от стен, как мячик. В подвале эхо было такое, будто они стояли внутри барабана. Лада постучала в стену — три раза, тихо, костяшками пальцев. Прислушалась. Тишина. Секунда, две, три. Потом — три удара в ответ. Тихие, глухие, но от-

чётливые. Кто бы ни был там, он услышал её. Он ответил. Лада почувствовала, как сердце подпрыгнуло — как рыба, которая хватается наживку. «Ты меня слышишь!» — крикнула она, и голос отскочил от стен и потолка, и эхо разбежалось, как круги по воде. Тишина. Долгая, тягучая, как пауза перед рассветом. Потом — снова три удара. И ещё. И ещё. Ритмично, настойчиво, как будто кто-то говорил: «Да, я здесь. Я слышу. Я жду». Лада отступила на шаг и посмотрела на стену — целиком, от пола до потолка. Каменная, старая, с трещинами и мхом. Ни двери, ни люка, ни прохода. Просто стена. Но за ней — кто-то стучал. Кто-то ждал. Кто-то хотел, чтобы его нашли. Лада достала из кармана свой «Блокнот сыщика» — она носила его везде, как рыцарь носит меч, — открыла на чистой странице и записала: «Дело 2. Ночной стук. Три удара из-за стены подвала. Начало: 2 часа ночи. Ответил на мой стук — три удара. Кто-то живой за стеной. Двери нет. Нужно искать проход. Первый свидетель — Барсик». Барсик муркнул — согласился. Расследование началось.

Первые улики

Лада вернулась в комнату в три часа ночи. Села на кровать, открыла блокнот и стала думать. Стук шёл из-за каменной стены в конце подвала. Двери нет. Прохода нет. Но кто-то стучал — живой, тёплый, дышащий. Как он туда попал? И почему стучал именно ночью? Лада нарисовала в блокноте дом в разрезе — как торт, рассечённый ножом. Первый этаж, второй этаж, подвал. И за подвалом — пустота. Заштрихованная, неизвестная, с вопросительным знаком. «Под домом есть что-то ещё, — записала она. — Под подвалом. Или за подвалом. Что-то, чего нет на плане дома».

Барсик запрыгнул на кровать и улёгся рядом, положив морду на лапы. Уши стояли — он не спал, а слушал, как всегда. Лада посмотрела на него. «Барсик, ты ведь тоже слышал, да? И чуял. Что ты чуял?» Барсик не ответил, но его хвост дрогнул — кончиком, еле заметно, как стрелка прибора, который что-то засёк. Лада подумала: если Барсик чуял запах за стеной — значит, за стеной был воздух. А если воздух — значит, было пространство. А если пространство — значит, туда можно попасть. Вопрос — как.

Она перечитала записи из первой книги — «Пропавший ключ». Там, в подвале, она нашла медный значок с гербом Старогорска и надписью «Под камнем — дверь». Значок лежал в её столе, в ящике, обёрнутый в носовой платок. «Под

камнем — дверь», — повторила Лада. Камень. Стена в подвале была каменная. Может, значок — ключ к этой стене? Может, «под камнем» — не метафора, а указание? Лада встала, подошла к столу, вынула значок из ящика и развернула платок. Медный, тёплый, с гербом — крепость с башнями и восьмиконечной звездой над ней. На обороте — «Под камнем — дверь». Лада сжала значок в ладони и почувствовала: он теплее, чем должен быть. Как будто внутри него что-то гудело — тихо, на низких частотах, как мотор далеко-далеко.

Утром, за завтраком, Лада ничего не сказала родителям. Мама налила ей чай и положила бутерброд с сыром, папа читал газету, и оба были так спокойно-сонные, что Лада реши-

ла: стук они не слышали и слышать не могли. Стук шёл в два часа ночи, тихий, глухой — его можно было услышать, только если проснуться. А проснулись только Лада и Барсик.

Вместо того чтобы рассказать родителям, Лада пошла к бабушке Нине. Бабушка Нина — бывший архивариус, она знала про старый дом всё: когда он построен, кто в нём жил, какие трубы меняли и почему скрипит лестница на седьмой ступеньке. Если кто-то и знал, что за каменной стеной в подвале — то это она. Лада нашла её в палисаднике — бабушка поливала розы из жестяной лейки, тихо напевая мелодию без слов. Осеннее утро было мягкое, тёплое, солнце светило сквозь кроны клёнов, и бабушкины розы — последние, поздние — рдели красным и розовым, как маленькие фонарики.

«Бабушка Нина, — сказала Лада, подходя к калитке, — я ночью слышала стук. Из подвала. Из-за стены. Три удара, и три, и три. И когда я постучала — мне ответили». Бабушка Нина медленно опустила лейку и сняла очки. Протёрла их краем платочка, надела обратно и посмотрела на Ладу — поверх очков, внимательно, как врач смотрит на пациента, который пришёл с необычным симптомом. «Три удара, — повторила она тихо. — Из-за стены. Ты уверена?» — «Уверена. Я приложила ухо к полу. Я стучала — мне ответили». Бабушка Нина помолчала. Потом сказала — медленно, будто каждое слово взвешивала на ладони: «Этот дом построен в 1897 году. Под ним — старые подземные ходы. Я думала, они завалены. Но если кто-то стучит...» Она не закончила.

Лада ждала.

Бабушка Нина пригласила Ладy в квартиру. Квартира бабушки Нины была как музей — маленький, но полный вещей: старые фотографии на стенах в чёрно-белых рамках, книжные полки от пола до потолка, шкаф с папками, на которых стояли номера и даты, как в архиве. Пахло старой бумагой, лавандой и чем-то сладким — может, вареньем. Бабушка Нина сняла с полки большую папку, обтянутую потёртым кожзамениателем, и положила на стол. «Документы по дому, — сказала она. — Я собирала их тридцать лет. План застройки, акты ремонта, письма жильцов. Всё здесь». Она открыла папку и достала пожелтевший лист — большой, сложенный вчетверо, с тонкими коричневыми линиями. «План

дома, 1897 год. Подвальный этаж». Лада наклонилась и увидела — на плане подвал был больше, чем сейчас. Намного больше. За той каменной стеной, у которой Лада слушала стук, на плане был коридор — длинный, узкий, уходящий в сторону от дома, под двор. Коридор заканчивался квадратной комнатой, подписанной старинными буквами: «Хранилище».

«Хранилище! — Лада ткнула пальцем в план. — Бабушка Нина, тут написано «Хранилище»! За стеной! Кто-то стучит из хранилища!» Бабушка Нина кивала медленно, как будто подтверждая то, что давно подозревала. «Я знала про этот план. Но думала, что ходы завалились — дом старый, войны, земля сыпется. Если кто-то стучит — значит, ходы целы. И значит, кто-то там есть». Лада смотрела на план, и в голове крутилось: хранилище, коридор, каменная стена, стук. «Бабушка Нина, а что там хранили? В хранилище?» — «Не знаю, — сказала бабушка Нина тихо. — Записи о содержимом не сохранились. Или были спрятаны. Или были уничтожены. Этот город любит прятать свои тайны, Лада. Особенно — под землёй».

Лада записала всё в блокнот: «План 1897 года. За стеной подвала — коридор, ведущий к «Хранилищу». Коридор под двором. Что хранили — неизвестно. Записи не сохранились или спрятаны. Бабушка Нина: «Этот город любит прятать тайны под землёй». Нужно найти вход в коридор. Стена в подвале — глухая, без двери. Значит, дверь замуровали? Или спрятали? Или она есть, но её не видно?» Она перечитала надпись на медном значке: «Под камнем — дверь». «Под камнем, — повторила Лада. — Камень. Стена — каменная. Может, дверь в стене, но она замаскирована? Прикрыта камнем?» Она нарисовала в блокноте стену с прорисованными трещинами и пыталась вспомнить, где именно трещины были крупнее — может, там, где камень держался слабее, и за

ним был проход.

Барсик, лежавший на диване бабушки Нины, вдруг встал, спрыгнул и подошёл к плану, разложенному на столе. Он ткнул носом в одну точку на плане — там, где коридор начинался, сразу за стеной подвала. Лада посмотрела: Барсик тыкал носом не в середину стены, а в угол — левый, нижний, у пола. «Барсик, ты хочешь сказать — вход внизу? У пола? В углу?» Барсик муркнул и отошёл, как будто сказал: «Я сказал всё, что мог. Дальше — сама». Лада посмотрела на бабушку Нину. Бабушка улыбалась — краем рта, еле заметно, как улыбаются, когда кот умнее людей. «Коты видят то, что мы не видим, — сказала она. — Коты слышат то, что мы не слышим. Коты знают то, что мы забыли. Может, стоит прислушаться к Барсику».

Лада встала, сжала значок в ладони и сказала: «Бабушка Нина, сегодня ночью я пойду в подвал. Найду вход. Барсик показал — угол, у пола. Я проверю». Бабушка Нина посмотрела на неё — долго, серьёзно, как будто решала что-то важное. Потом кивнула. «Я пойду с тобой, — сказала она. — Этот дом — мой дом уже тридцать лет. Если в нём есть тайна, я хочу её видеть. Не из любопытства — из ответственности. Я архивариус. Я не могу оставить архив нераскрытым».

Лада провела день в подготовке. Она составила список — как настоящий исследователь перед экспедицией: фонарик (запасные батарейки), блокнот, карандаш, медный значок, верёвка (на всякий случай — папина, из гаража, десять метров), бутылка воды, печенье (для себя и Барсика), спички (бабушкины, в жестяной коробке). Она разложила всё на кровати, проверила, пересчитала и уложила в маленький рюкзак — синий, с вышивкой в виде кошки, который мама подарила ей на день рождения.

Барсик наблюдал за сборами с дивана — лениво, но внимательно, как генерал, который смотрит, как солдат собирает рюкзак. Один раз он спрыгнул, подошёл к рюкзаку и лапой толкнул верёвку — она выкатилась из рюкзака и упала

на пол. «Ты что? — Лада подняла верёвку. — Верёвка нужна!» Барсик посмотрел на неё, потом на верёвку, потом снова на неё — и Лада вдруг поняла: Барсик не возражал против верёвки. Он проверял, крепкая ли. Он был напарником, а напарники проверяют снаряжение. «Хорошо, — сказала Лада, засовывая верёвку обратно. — Всё проверено. Выступаем ночью». Барсик муркнул — утвердительно, по-военному, как «есть».

Вечером, когда стемнело, Лада сидела у окна и ждала. За окном падал лист — жёлтый, крупный, с красными прожилками, он кружился в свете фонаря и ложился на мокрый асфальт, как маленький золотой парашют. Двор опустел — дети ушли домой, скамейки были мокрые от дождя, который прошёл час назад, и блестели в свете фонарей, как чёрное стекло. Лада ждала одиннадцати — бабушка Нина сказала, что придёт в одиннадцать, когда в доме станет тихо и все уснут. Лада трогала значок в кармане — медный, тёплый, гудящий тихо, как будто внутри него бежал ток по тонкой проволоке. «Под камнем — дверь», — повторяла она, и слова звучали как пароль, как заклинание, как ключ к замку, который ещё нужно было найти.

Свидетели

В одиннадцать вечера Лада слышала тихий стук в дверь — два коротких удара, как условный знак. Она открыла. На пороге стояла бабушка Нина — в старом пальто поверх ночного халата, в валенках, с фонариком в одной руке и связкой ключей в другой. На плече — маленький рюкзак, такой же, как у Лады, только старше и потёртее. «Готова?» — спросила бабушка Нина шёпотом. Лада кивнула. Барсик уже сидел у двери — готовый, с поднятым хвостом, как флаг. Троица — девочка, бабушка и кот — вышла в тёмный коридор.

Подвал встретил их сыростью и темнотой. Лада включила фонарик — луч упал на каменные ступеньки, на ржавые трубы, на пустые полки. Всё было как утром — неподвижное, мокрое, мёртвое. Но стук не повторялся. Тишина стояла, как вода в колодце, — глубокая, плотная, давящая на уши. Лада повела их к стене в конце подвала — к той самой, у которой прикладывала ладонь ночью. Луч фонарика скользнул по камню — серый, шершавый, с трещинами. Лада присела и посветила в левый нижний угол — туда, куда Барсик тыкал носом утром на плане.

Угол. У пола. Камень — крупный, тёмный, отличающийся от остальных: остальные были мелкие, уложенные ровно, а этот — большой, квадратный, с закруглёнными краями, как старинный кирпич. Лада провела по нему пальцами — хо-

лодный, мокрый, с мхом по краям. Но в одном месте, внизу, у самого стыка с полом, камень был сухой. Сухой! В сыром подвале, где всё мокрое, этот камень снизу был сухой — значит, за ним шёл воздух. Тёплый воздух, который не давал влаге осесть. «Бабушка Нина, — прошептала Лада, — этот камень. Смотри — он сухой снизу. За ним что-то есть».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.